

О переводе и о принципах редакторской обработки и репрезентации текста

Перевод Й.Л. старался дать дословный¹; редакция Г.П. имела своими целями устранить неизбежные германизмы в переводе и, главное, „притянуть“ текст к синтаксису, лексике и фразеологии русскоязычных текстов самого П.Б., в той мере, в какой это не противоречит задаче дословного перевода.

В подходе к тексту Бицилли Й.Л. руководствовался логикой „консервации“, не „реставрации“. Беря на собой риск быть упрекаемым в выпячивании ролей исполнителя обратного перевода, (ре)публикатора и редактора, он оставляет, не смазывая, все замеченные шероховатости (прежде всего, мелкие текстуальные расхождения между цитируемыми в тексте П.Б. отрывками и теми же отрывками в источниках, которыми П.Б. пользовался): в тех случаях, когда нельзя было с чистой совестью свалить несоответствие на неточность русско-немецкого перевода, на неизбежно субъективный выбор между синонимами или же на свое собственное – неизбежное – недопонимание двух неродных языков. Такое решение питается уверенностью, что любая из шероховатостей может (хотя может и не) оказаться полезной при будущей реконструкции истории создания и перевода текста с русского на немецкий. Цитирование по запискам (не имея уже книгу под рукой), бессознательное усечение неважных для цитирующего деталей из цитируемого фрагмента, „телеграфическое“ „цитирование“ по памяти с намерением (в конце концов неосуществляющимся) вставить полную и точную цитату при перебивке рукописи – лишь самые очевидные генераторы шероховатостей. Й.Л. учитывает неизбежные „сбои“ в доведении любого текста, а тем более переводимого с рукописи на неродном для переводчика языке, до публикации (опечатки, описки, трудности в расшифровке рукописи и т.д.), находящие свое отражение в разнообразных „зазорах“ в конечном продукте. Как раз поэтому он отказывается прибавлять к этому информационному „шуму“ „шум“ редакторской правки (от восполнения мелких неточностей при цитировании до исправления „повторений“, очевидно мотивированного верой, что красота лучше ясности даже в научном тексте, что восприниматель важнее источника и что стилистическая негладкость скорее всего опущение не автора, а переводчика на иностранный язык, а также, наконец, безотчетной принадлежностью переводчика с иностранного языка / редактора / составителя / публикатора к определенной школе практической стилистики). По его убеждению, такого рода правка основана на безосновательных допущениях, что автор (пере)издаваемого текста (в отличие от переводчика и других возможных участников „производственного“ процесса²) выполнил свою часть работы безукоризненно и что его возможные ошибки являются случайностями, подлежащими игнорированию в силу их неинформативности либо в силу того, что они могут задним числом повредить репутации автора (в обход мудрости, что

¹ В т.ч. в согласии с общим принципом теории перевода Анри Мешоника, что переводчик имеет дело с конкретным текстом, обладающим поэтикой, которую он должен сохранить, а не с некоей проекцией целокупной системы языка-источника, которую надо превратить в удачную проекцию целокупной системы языка перевода. Но в некоторых случаях, напр. при обратном переводе слов *Erzählung* (рассказ / повествование) и *Freimaurerei* (вольное каменничество / масонство), пришлось отступить от принципов.

² „Ошибился не автор, а переводчик/типография...“ представляется не менее опасной текстологической верой, чем та в „последнюю авторскую волю“.

ошибаться – неотъемлемое свойство человеческой природы, отнюдь ее конкретного носителя не унижающее).

За шероховатостями данной работы П.Б. пока можно заметить лишь одну (предположительно) тенденцию: цитируя, он (или его переводчик, или редактор публикующего журнала) убавляет пунктуационное изобилие/экспрессивность цитируемых фрагментов.

Стоит ли печатный текст, при этом в переводе, столь пристального текстологического внимания и бережного отношения? На мой взгляд, стоит. Во-первых, потому, что оригинальная рукопись (или машинописная копия) или потерялась, или пока просто не доступна ученым; фактически – уже и пока – ее нет. Во-вторых, потому, что печатные и неоригинальные версии того или иного источника не заслуживают меньшего внимания просто из-за того, что они технологически, а также во времени и пространстве, удалены от сакрализованного акта творчества гусиным пером или автоматической ручкой.

В сознании того, что статья, выпущенная в переводе на иностранный язык иностранным же журналом, является продуктом взаимодействия ряда лиц и технических процессов, в концевых редакторских примечаниях „у Петра Бицилли так-то“ означает не „П.Б. написал так-то“, а „в тексте с подписью П.Б. так-то“.

При расхождении в цитатах, в большинстве случаев в основном тексте они приводятся согласно оригинальному источнику, а в редакторских примечаниях в конце указываются внесенные в них изменения согласно обратному переводу и дается редакторский комментарий. Полное разведение двух версий цитируемых фрагментов (оригинальная и „бициллиевская“ в обратном переводе), однако, не произведено; в тех случаях, когда в основном тексте цитата дается согласно обратному переводу, из него сохраняются лишь те отличия от оригинала, которые, на наш (И.Л.) взгляд, нельзя однозначно отнести на счет русско-немецкого перевода. Делаемые П.Б. (и им неоговариваемые!) выделения в цитируемых фрагментах даются нами в основном тексте (разрядка замещается курсивом), там же и оговариваются (выделения редакторские и принадлежащие источникам в принципе оговариваются в концевых примечаниях). Полная последовательность в выборе (какую версию давать в основном тексте, какую откладывать в примечания) не представляется возможной.

В основном редакторские примечания обособлены в сносках в конце текста (нумерация латинскими цифрами). В тех случаях, когда эти примечания, благодаря своей краткости, (предположительно) не мешают восприятию текста П.Б., они приводятся в [квадратных скобках] непосредственно в этом же тексте. За примечаниями самого П.Б. сохраняется позиция постраничных (нумерация арабскими цифрами). Значок отсылки всюду ставился *до* непосредственно прилежащего знака препинания, несмотря на явную семантическую неполноценность данного стандарта.

Порой цитируемые тексты содержат не помеченные инициалами вставки в круглых скобках, которые в редакторских примечаниях приписываются Петру Бицилли (хотя их можно приписать и переводчику).

В квадратные скобки заключаются и сделанные П.Б. купюры при цитировании (из одного текста его работы принципиально нельзя понять, когда многоточие обозначает купюру, а когда принадлежит собственной пунктуации цитируемого текста)³, а также

³ Иногда стандартное с нашей точки зрения трехчастное многоточие варьируется четырехчастным, которое в большинстве случаев можно понять как обозначение купюр после точки, на которой оканчивается предшествующее предложение, или же купюр до точки. Это, конечно, часть типографических конвенций

любые пояснения редакторов внутри текста П.Б. В тех случаях, когда у П.Б. купюры в цитате вовсе не обозначены, они обозначаются нами курсивированным многоточием в квадратных скобках (*[...]*). В паре случаев при обратном переводе и сличении с оригинальным источником в цитированных отрывках обнаруживаются слова, предположительно вставленные П.Б. (явно не востребованные самим русско-немецким переводом); они помечены **полужирным** шрифтом. Прочие знаки редакторского выделения оговариваются непосредственно в редакторских примечаниях. При сверке с оригинальными изданиями расхождения в страницах указываются. Как правило, уточненное библиографическое описание не предлагается для источников, упомянутых П.Б., но не цитированных им.

Цитаты из произведений русской классической литературы снабжаться отсылками к конкретным изданиям не будут, за исключением одного-двух особых случаев.

Иностранные выражения не переводились, за исключением тех случаев, когда неупотребление аналогичных русскоязычных слов и выражений требовало, по мнению редакторов, комментария, будучи предположительно связанным с „интертекстуальным полем“ работы П.Б. Хотя в этом направлении примечания оставляют желать лучшего.

Написание русских слов в цитатах изменяется согласно русской послереволюционной орфографии. Пунктуация источников сохраняется, равно как и графический стиль дат и библиографических отсылок Бициллиевского текста⁴ (последний отличается от стиля в редакторских примечаниях).

Вставкой чисел в текст перевода (по модели „399 | 400“) сохраняется, в параллельном порядке, нумерация страниц по немецкоязычной публикации.

того времени, а не личного подхода П.Б. Четырехточие сохраняем в тех случаях, когда его интерпретация не представляется возможной.

⁴ Сохраняются в т.ч. библиографические латинизмы типа „ff.“, „o[p]. c[it].“.